

КРОКОДИЛ

№ 30 (1608)

30 ОКТЯБРЯ 1960

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

Осень
1960

Чем

она

вам

понравилась?

Приметы осени неизменны для фенологов и метеорологов. Поэты — народ иного склада. У них на первом плане не сводка погоды. По-разному поэты воспринимали осень. По-разному судили о ней.

1828 год. Алексей Кольцов:

Нахмурил брови белый день;
Дожди бесменные полились;
К людям в соседки поселились,
Тоска и сон, хандра и лень.

1854 год. Николай Некрасов:

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,
Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Но вот наступила осень 1917 года. И она стала весной человечества. Она надолго омрачила настроение наших врагов. На все двенадцать месяцев во все последующие годы.

А мы радовались, потому что каждая советская осень приносила нам свои благодатные плоды.

И осень 1960 года — радостная.

— Дела у нас идут хорошо, и настроение у нас хорошее! — говорит Никита Сергеевич Хрущев.

Да, дела у нас идут хорошо!

Что вы думаете об осени шестидесятого года? Каковы ее приметы? Чем она вам понравилась?

С такими вопросами обратились мы к поэтам — нашим современникам. И вот что они ответили.

Самуил МАРШАК

В осенних боях на всемирной арене,
Среди кривотолков, и прений, и трений
Советское слово срывало не раз
Фальшивые маски,
Поддельные краски,
Срывало повязки
С глаз.

Михаил СВЕТЛОВ

Нас не потянет прошлое назад,
Мы перед тайнами вселенной не робеем,
И пусть кружит осенний листопад,
Погоду делать мы всегда умеем!
И в нынешнем году приход зимы
Как победители опять встречаем мы.

Александр БЕЗЫМЕНСКИЙ

Мне нравятся октябрьские свершенья
Советской Родины, рожденной Октябрем.
Понравились мне также сообщенья,
Что Н. Хрущев

в хорошем настроенье,

А Эйзенхауэр —

в плохом.

Мне нравится, мне дорого и люблю,
Что славят люди честный мирный труд;
Что жизнь свою успешно строит Куба;
Что много стран — открыто, зримо, грубо —
Сорвать сумели цепи рабских пут;
Что оскандалились СЕАТО, НАТО, СЕНТО, —
Что Африка дает отпор врагам.
И выступления полпредов континента
Звучали, как аплодисменты
По хаммаршельдовским щекам;
Что пентагоновские боссы и лакеи
В глазах народов вновь посрамлены;
Что лагерь мира стал еще сильнее;
Что громче всех звучал на Ассамблее
Могучий голос ленинской страны.
Была богатой, яркой, полноводной
Шестидесятого осенняя пора!..

Наш путь прекрасен —

и в любом сегодня

Мы к коммунизму ближе, чем вчера.

Сергей СМЕРНОВ

Осень этого года
совсем золотая,
Я иду по осенней Москве и мечтаю.

Где-то здравствует
очень счастливый мужчина,
Он пока что не громкого звания и чина.

Но ему по душе специальность пилота.
Он упорно

готовит себя
для полета.

Он взлетит на ракете особого сплава.
И его увенчает
бессмертная слава.

Человек, очутившись в космическом быте,
Как по кругу почета,
пройдет по орбите.

Он уверенно встретит момент приземленья,
Приземлится,
и всех приведет в изумленья.

Это будет у нас!
И, помимо букета,
Я пилоту дарю посвящение это.

Я реальностью наше знакомство
считаю.

Осень этого года
совсем золотая!

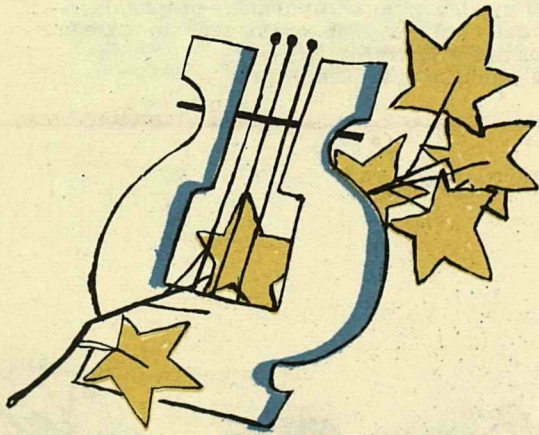
Николай АСЕЕВ

Разрушение прошлого, клятго,
Лязг сбиваемых рабских оков, —
Это осень шестидесятого
Сеет всходы грядущих веков.

Эмиль КРОТКИЙ

ЧЕМ! (Расписывать пространно
мне возможность не дана.)
ВСЕМ, чем Гертеру с Брентано
не понравилась она!

Михаил МАТУСОВСКИЙ

На ваш вопрос ответ свой дать
Хочу в таком разрезе я:
Сегодня праздник свой опять
Отметила Поэзия.

К нам возвратился день весны
С ее благоуханием,
И вновь стихи окружены
Читательским вниманием.

И на прилавках книги ждут
Читателя широкого.
[Кого угодно купишь тут —
От Блока и до Бокова!]

И день Поэзии шумит
На берегах Москвы-реки,
И он для всех для вас открыт,
И физики и лирики!

Владимир ИВАНОВ

Наша осень — горячие дни,
Дружный труд, вдохновенный и жаркий.
Осень — книга в руках,
Осень — рампы огни,
Октябрю трудовые подарки!..

* * *

В ноябре примечателен наш
Ленинградский осенний пейзаж.
Высотой, пожалуй, с Памир
Телеграмм поздравительных горы...

Дату славную знает весь мир:
В ноябре именины «Авроры»!

* * *

Осень. Прячутся в Летнем саду
В зимних домиках робкие статуи...

А кипучая жизнь на виду,
Время жаркое, краски богатые.
Осень — учится весь Ленинград!
На заводах дела веселят!
В клубах слышится музыка, пенье!
Мир куем со страной!
У любого в глазах вдохновенье!..

Нет, под старой Луной
Стала осень мной:
У нее настроенье —
Весенье!

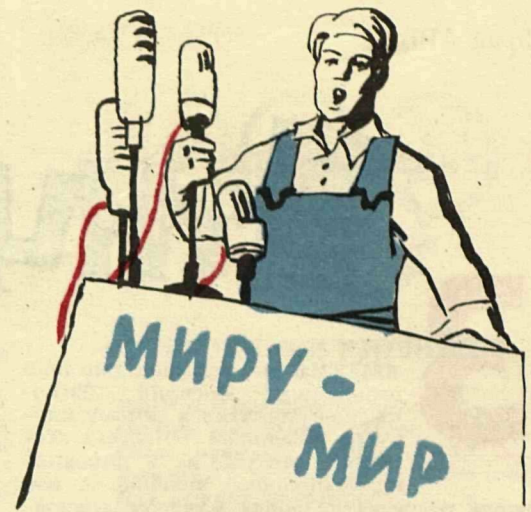
Борис КОТЛЯРОВ

Вот у нас какое настроение:
К нам влетели листики осенние,

Мы сказали, что порою эту
Ветер мира хлынул над планетою,

В золотых листочках увидали мы
Сходство с олимпийскими медалями.

Ну, а после каждый вспомнил личное,
Верно, что-то очень необычное...

Яков ХЕЛИМСКИЙ

Хороша эта осень, товарищи!
Вдохновением неостывающим,
Не старением, не увяданием,
А горением и созданием!

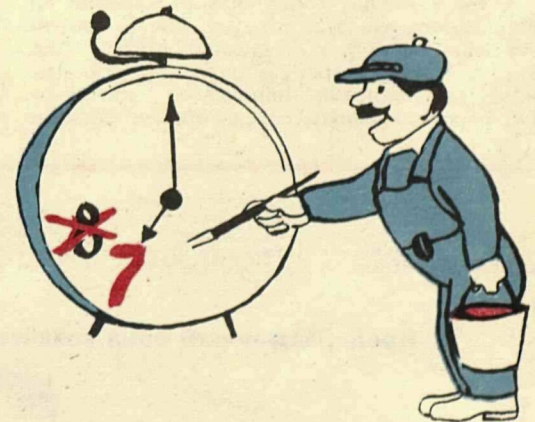
Это время, как праздник Поэзии,
В светлой прозолоти и просини
Осеньет любые профессии
Окрыленностью болдинской осени.

Словно солнце в нью-йоркской
дождливости, —
Русский голос — язык Справедливости.
Ложь и злоба под натиском Истины
Опадают засохшими листьями.

Слышу Африки грозы весенние,
Митингующей Кубы бурление:
Сколько б тучи над миром

ни высились,
Будет всюду сиять Независимость!

А у нас в это время погожее,
На тревожную хмури непохожее,
Настроенье отнюдь не осеннее —
Очень солнечное настроение...

Александр НИКОЛАЕВ

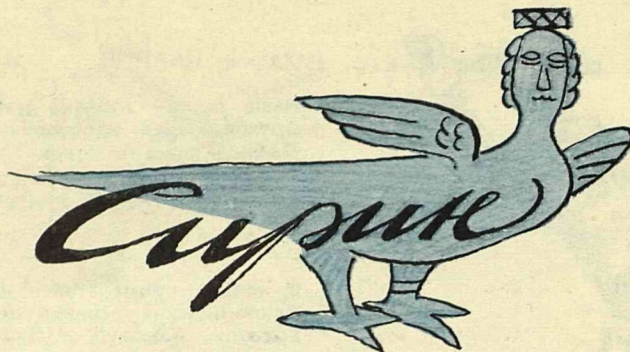
Достойна эта осень прославления.
И ей мы дружно славу воспоем
[Я не один писал стихотворенье,
А с Александром Пушкиным вдвоем].

Осенняя пора! «очей очарованье...
В багрец и в золото одетые леса...»
Проникновенье в тайны мирозданья,
И колониализма увяданье,
И новых стран свободных голоса.

«Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день...»
[Не потому, что больше стали ночи,
А просто сократился день рабочий!]

«Что день грядущий мне готовит!»
Готовит взлет в космический эфир,
Грядущий день готовит миру мир.
Борьбу за мир никто не остановит!

ПТИЦА

З

АМЕТИЛ ты, как шикарно наш горновщик Василий Тимофеевич подкатил к самому клубу на новенькой «Волге»? Теперь-то это уже не в диковинку,— обиходное явление. А вот ежели рассказать, каким манером горновщик этот самодвижущийся экипаж приобрел,— ну, чистая умора! И в то же время вполне современная история.

Пусть другие охотники на меня не обижаются, я и сам в поселке не последний стрелок, но ведь факт, что наблюдается у нашего брата такая черта — прихвастнуть. А уж счетовод наш Петр Монахов — завзятый хвастун. Болтун, одним словом, а не человек!

Что это за фигура, я тебе окончательно сказать не смогу. Профессия у него вроде точная: денежка счет любит. А вот фальшь Монахов за беду не считает. Приладил он на неправде веселье строить, стал мастером по розыгрышам. Не поет, так свищет, не пляшет, так прищелкивает. И ведь до того ловко, щучий сын, сообразит, что весь заводской поселок смехом бока надсаживает.

На заборах и домах увидели люди объявления: дескать, дешево, по случаю, продаются щенки породы сеттер. Тут же и адрес председателя нашего завкома. Все знают, что председатель-то — охотник, ну, валом к нему и повалили: у такого-де плохих щенков не будет. А это все наш скоророх, счетовод Монахов, подстроил, и председателева собака-то — кобель, а не сучка.

А уж в какое комическое положение он меня поставил! Написал от моего имени заказное письмо в Академию наук. Так, мол, и так, я, старый живописец, заместитель председателя заводского комитета фарфорового завода, собственными глазами

видел птицу Сирин с женской головой и золотым оперением. А на правой лапке возле коготков у этой птицы, приносящей счастье, серебряное колечко с номером «211». И приписку сделал: прошу-де вернуть мне подлинник письма для приобщения к делу, заведенному по сему историческому случаю. Что ж, вернули мне письмо, и даже безо всякой укоризны. Потому как левоверных там, в Академии наук, не нашлось, чтобы верить шутке о счастливой утке.

Прошлой осенью отправились мы, как обычно, своей компанией к утиным местам на охоту: предзавкома, горновщик Василий Тимофеевич, у которого теперь новенькая «Волга», счетовод Монахов и я.

Горновщик стал сетовать: опять-де печень пошаливает.

Счетовод ему в ответ:

— Эх ты, тютя-матютя, огненный бог! Песни твои у горна всякий слышит, а слез твоих никто не видит. Даже путевки в санаторий раздобыть не можешь!

Василий Тимофеевич обиделся:

— Ты правды не ищи в других, коли в тебе ее нет! Мне путевки не раз и не два, а четырежды вручали! Полечусь — сначала вроде полегчает, а потом боль опять свое берет.

Я-то и не смекнул тогда, что Монахов розыгрыш начинает. Слушаю и про себя даже отмечаю его заботливость.

И вот он припирает горновщика вопросом:

— А бывал ты, скажи, пожалуйста, на чехословацком курорте Карловы Вары? Не бывал. А известно тебе, что тамошние воды любую печеночную хворь выгоняют? Не известно. Та вода исключительно полезная. Ее в сухом виде банками в аптеках продают, только, конечно, в сухой во-

де сила не полная. Надо на месте лечение принять.

Он нам подмигивает, а горновщика Василия Тимофеевича уверяет:

— Поезжай в Чехословакию.

Горновщик улыбается.

— Кто же меня туда пошлет?

А Монахов долбит все в одно:

— И не сомневайся! Будет полный порядок! Пиши заявление, не сходя с места. Тут же и отдашь его, благо с нами председатель завкома и его заместитель.

Горновщик посмеялся и шутки ради написал.

А Монахову только этого и надо было. Как суббота, так он первым делом к горновщику с ехидным вопросом:

— Не уточнял насчет курорта? Когда изволите отправиться путешествовать за границу?

И нам незаметно от Василия подмигивает.

А мне, признаться, неловко: ведь печень-то у горновщика и взаправду болит, чего счетовод над этим смеется? И решил я для воспитательной цели его самого разыграть. Да чтобы на всю жизнь память осталась и чтобы весь поселок, смеясь, действительно бока надсадил.

Прежде всего, конечно, втянул в игру председателя завкома.

Уговорился с ним:

— Думай и соображай. А коли сообразишь, немедленно звони мне.

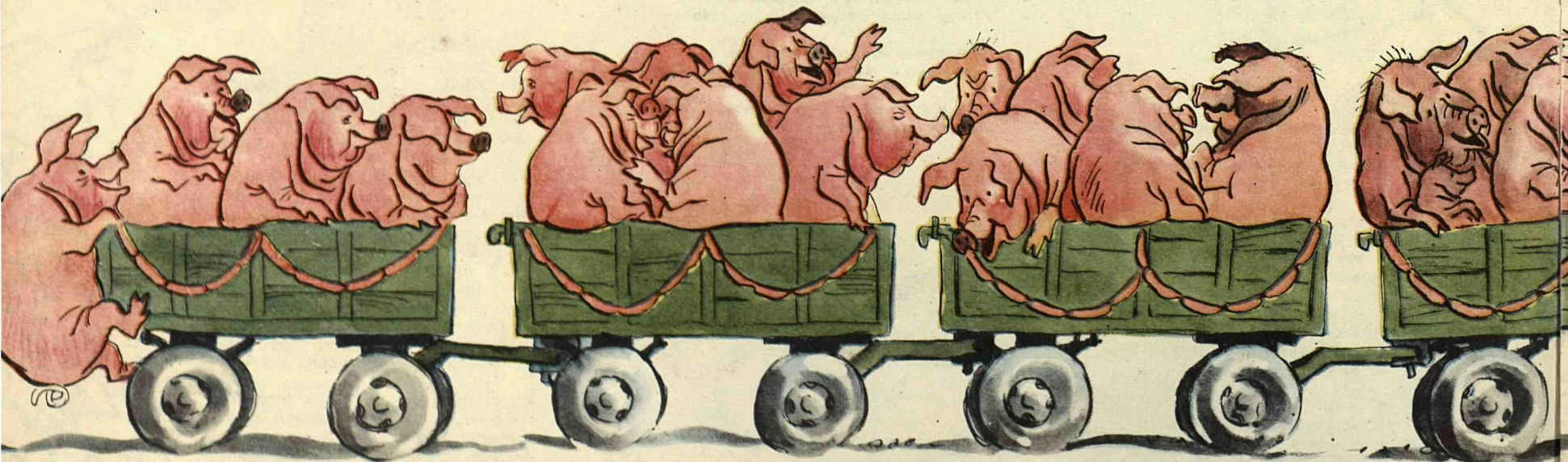
Вот он на следующий же день и звонит:

— Как ты полагаешь, удивится наш счетовод, если сообщить ему: вот, мол, мы шутили, а горновщик Василий Тимофеевич в самом деле получил путевку на заграничный курорт, и по этому поводу отправляемся мы всей честной компанией на вокзал провожать друга?

Я кричу в телефон:

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Предпраздничный обоз хозяйства майора Лукашкина.

— Удивится, безусловно! — и председатель похвалой поощряю: — Молодец, здорово придумал!

Смех меня, конечно, душит.

— Дай, — говорю, — я сам об этом объявлю Монахову.

Председатель дает согласие и добавляет:

— Проводы на вокзале устраиваем завтра вечером.

— Ладно! — кричу я, смехом заливаюсь и вешаю трубку, чтобы немедленно начать розыгрыш счетовода.

Тот, натурально, поражен. А я еще масла в огонь подливаю.

— Завтра, то есть в субботу, — говорю, — приходи на станцию к вечернему поезду, будем провожать за границу дружка и товарища Василия Тимофеевича.

Счетовод кисло так соглашается: ладно, мол.

Я трубку бросил и по дивану катаюсь. Ну, думаю, к вечернему поезду, что бы там ни случилось, обязательно пожалую. Одно удовольствие — глянуть, как явится наш счетовод, будет желать счастливого пути и как поймет наконец, что за старуху бывает проруха.

Ну, суббота недалеко. Добрался я до вокзала. Жду.

Вот и Монахов.

Всегда шумит, как ветер в пустой трубе, по любому делу высказывается, на все горшки уполовник, а тут буркнул себе под нос:

— Привет! — и в сторону.

А меня от смеха корежит: попался, голубчик, не будь прост, не все тебе, котик, масленица, пришел и великий пост!

Ведем мы интеллигентный разговор о загранице, о международном положении, о том о сем. Собственно, говорю-то я, а наш краснойбай чтой-то сегодня все больше отмалчивается.

Вдруг, мать честная!.. Навстречу предзавкома, а сбоку, нарядный, с чемоданом в руке, горновщик Василий Тимофеевич. Да еще с женой и дочерью.

Вот это, думаю, артисты! Не поленились всей семьей принять участие в розыгрыше. Главное, чемодан-то, чемодан захватили, чтобы все до мелочи изобразить, как в жизни.

И начинаю улыбаться: до отхода поезда каких-нибудь пять минут, сейчас наступит развязка, и все подчистую разъяснится.

Василий Тимофеевич прямехонько к

спальному вагону. С женой целуется, дочку обнимает, нам тоже руки жмет. Даже на площадку вскочил, как лихой кавалер. Можно подумать, что и печень у него никогда не болела.

Свисток. И вижу я, что поехал наш Василий Тимофеевич. Только тогда и понял, что счетовод Петрушка разыграл не только сам себя, но и меня, простака, прихватил, а председатель не отместку придумал, а правду тогда по телефону сказал. Путевку-то горновщику прислали из Москвы, принимая во внимание и болезнь и заслуги в труде.

Может, ты скажешь: «А машина тут при чем, новенькая-то «Волга»?»

А при том, что вокруг курорта Карловы Вары фарфоровые заводы, что грибы, стоят. Разве мог Василий Тимофеевич к своим чехословацким товарищам по работе не зайти? Завязались лычко с лычком, ремешок с ремешком, сдружился фарфорист с фарфористом. Увидел Василий, как ставку в горне проводят, — и пришла ему мысль еще лучше сделать. От тамошних мастеров он секретов не скрыл, а, наоборот, с полной даже готовностью им все выложил.

Вернулся Василий домой поздоровевшим: сучок в кулаке сомнет — из сучка вода течет, во как! Предложенный по новой технике, тех, что в Чехословакии у него родились, полон короб. И, главное, все принимаются. А по советским законам, будьте любезны, подсчитайте, какая за это премия полагается. Сидит счетовод, горе луковое, Петрушка Монахов, костяшками в конторе щелкает, арифмометром дребезжит, премиальные нашего горнового Василия свет Тимофеевича подытоживает.

В аккурат и вышло столько, сколько Василию Тимофеевичу на машину «Волга» не хватало: он в свое время на нее записался и даже деньги начал копить.

А как суббота подошла, отправились мы на утиные места не пешочком, а на автомобильчике. Хозяин за рулем сидит, улыбается.

— Вот, — говорит, — где она, счастливая птица Сирин с золотыми перышками!

Счетовод молчит.

Чем тебе не современная история? Я в ней и себя, грешного, не пощадил, все без утайки выложил.

А машину Василия ты и сам видел, когда он на ней к клубу подкатывал. Шикарная машина, что и говорить!

Юрий БЛАГОВ

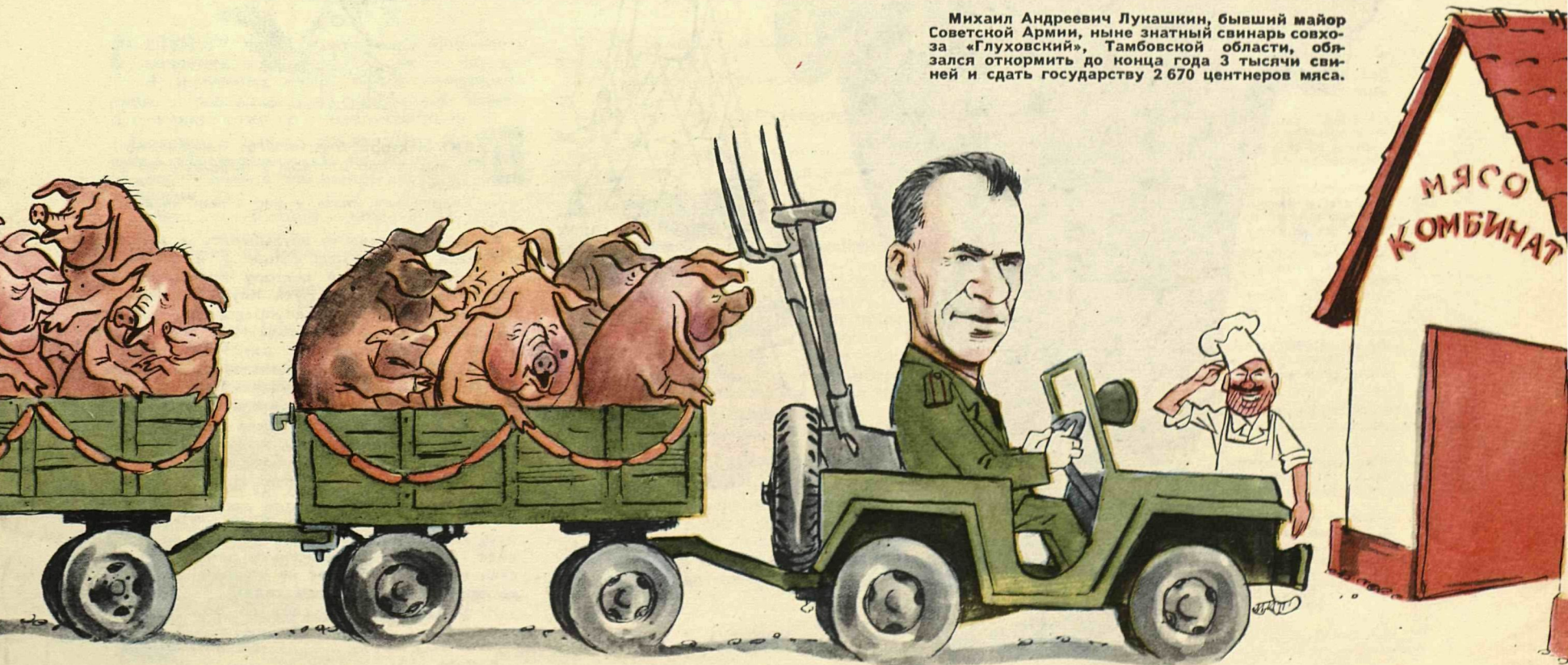
НЕОБХОДИМОЕ УТОЧНЕНИЕ

Наши в Риме победили,
Больше всех набрав очков.
Слава мужеству и силе
Новичков и «старичков»!
Ими каждый очарован,
Но, однако, говорят:
Должен быть опротестован
Их победный результат,
Мол, внести, быть может, нужно
Вот такой в таблицу штрих:
Победили Мир и Дружба,
Больше всех очков у них!

ВЕЛОАСС

Мы в Италии видали,
Что на множестве дорог
Нажимает на педали
Каждый едущий, как бог.
Мчатся крошечные дети,
Мчится толстый капучин,
На одном велосипеде
Мчатся мать, отец и сын.
Люди, видимо, с пеленок
Курс осваивают весь,
Будто всех для велогонки
Подготавливают здесь...
В олимпийской гонке, кстати,
Показал отменный класс,
По признанию печати,
Бесподобный велоасс.
В ассе было вдоволь пыла
И «спортивного нутра»,
Перед ассом отступила
Даже римская жара.
Он обставил чемпионов,
Был в зените мастерства.
Имя асса — Капитонов,
Место жительства — Москва.

Рим — Москва.

Михаил Андреевич Лунашкин, бывший майор Советской Армии, ныне знатный свинарь совхоза «Глуховский», Тамбовской области, обязался откормить до конца года 3 тысячи свиной и сдать государству 2 670 центнеров мяса.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ОСЕНИЛО!

ЛУЧИ восходящего солнца веером раскинулись за силуэтами заводских корпусов, подпирая лазурное весеннее небо. Загорелись верхушки деревьев, и нежно-зеленая листва становилась изумрудно-красной, как драгоценный камень александрит.

Птичьи голоса славили утреннюю зарю. Люди спешили на работу и невольно улыбались, любуясь восходом, вдыхая напоенный ароматами весны воздух...

Но инженер Сускин ничего этого не видел и не чувствовал. Он шел с горящими глазами и возбужденно бормотал:

— Вот это мысль! Это же переворот в практике... да и в теории тоже!.. Нет, нет, ты стой, дорогой товарищ Сускин, ты только вдумайся, что за мысль тебе в голову пришла! И ведь все дело только в загибе и последующей закалке... Боже мой! Как заворочатся теперь все эти киты-теоретики, пишущие научные труды и трактаты!.. Да что они — сам председатель общества Петрояров, ведь он тоже участвовал в споре, что он скажет! Хорошо, Сускин, ты гений! Какой переворот!.. И как просто — загиб и закалка... Нет, годы исканий, бессонных ночей, скандалов с женой не прошли даром!..

Сверкало солнце, радостно пели птицы, улыбались простые смертные, спеша на работу, а вдохновенный Сускин ничего этого не замечал.

Его осенило... Он в корне изменил форму крючка для ловли карасей.

И. КУЗНЕЦОВ

ЛИЦО И ЗАТЫЛОК

ЛИЦО лектора блестело от капелек пота. Он вытер лоб платком и победоносно завершил:

— Квартирная плата у нас самая низкая в мире!

Слушатели согласно заулыбались и зааплодировали. Организатор лекции от имени присутствующих выразил лектору благодарность энергичным пожатием руки. Клуб опустел.

Голубая «Волга» заводоуправления быстро домчала лектора до дома. На столе ждал ужин, в кресле — жена.

— О чем читал? О рыбной ловле? — поинтересовалась она, откладывая вязанье.

— О жилищном строительстве сегодня. Квартирная плата у нас самая низкая в мире! — сказал лектор. — Мы, например, за свою квартиру платим сорок рублей в месяц...

И он направился в ванную. Но с полдороги вернулся и сказал:

— Кстати, о квартирной плате, чуть не забыл. Поскольку мы летом едем на юг, дачу надо сдать. Только не меньше чем за три тысячи в месяц. Дешевле не уступать! Эти крохоборы у меня вот где сидят!

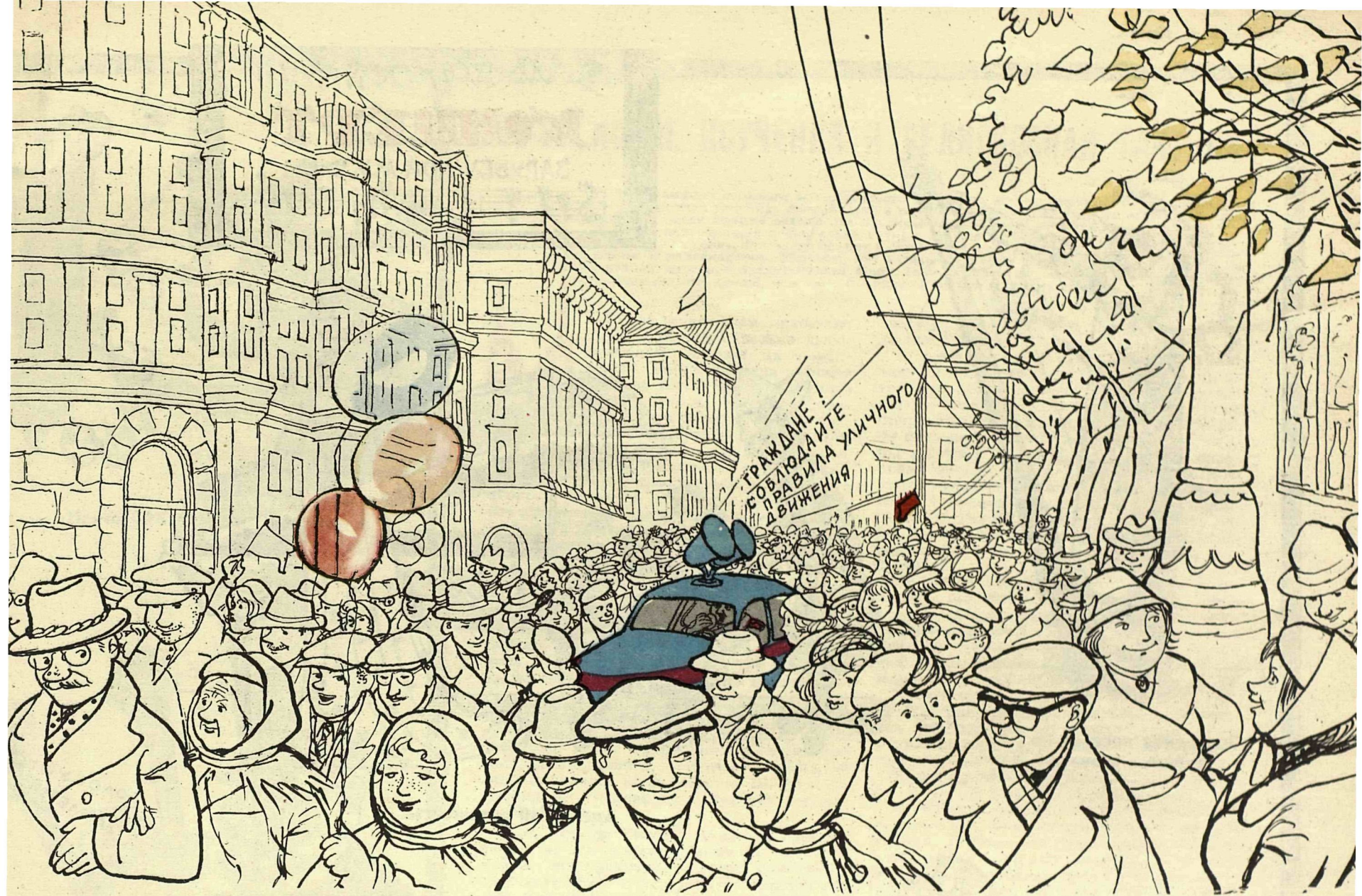
И лектор похлопал себя по розовому затылку.

Вл. МИХАЙЛОВ

г. Рига.

На бал в Университет дружбы.

Москва, улица Горького, 7 ноября в 22 часа.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

БЕСПОКОЙНОЕ СХОДСТВО

ГОВОРЯТ, что для мужчины внешность значения не имеет. Но это не всегда. Я, например, из-за своей внешности лишний раз на улице показаться боюсь. А причины тому не совсем обычные.

Выхожу я как-то из автобуса на остановке «Техноткань». И вдруг трое незнакомых мужчин и три женщины берут меня в окружение.

— Вот он, — говорят, — нехороший человек!

И смотрят на меня так, будто я сильно выпивши.

— Позвольте, — говорю, — что за комплименты?

— Ишь ты, — говорят, — комплиментов захотел! Скажи-ка лучше, почему на наши жалобы не отвечаешь? Ведь автобус от Потапово до Клязьминского моста четвертый год не ходит!

— Верно, — киваю головой, — сам из-за этого страдаю.

Тут они совсем разгневались:

— Для чего ты вообще поставлен, если триста метров дороги отремонтировать не можешь?

— Извините, — говорю, — граждане хорошие, но не за того меня принимаете.

А они снова:

— Ага, самого себя стыдно стало! До каких пор мы с детишками в ясли пешком ходить будем? Пять километров — это не шутки!

И уже, заметьте, норовят взять меня за грудки.

Тут, спасибо, кондуктор за меня вступился.

— Не троньте его, — говорит, — это вовсе не Тякач.

Но те и слышать ничего не хотят — ругают меня со всей старательностью.

Словом, освободился я с большим трудом. Пришел домой и спрашиваю: «Кто такой Тякач?» Оказалось, заместитель председателя нашего Щелковского горсовета.

«М-да, — думаю, — ситуация! Так натерпиться ни за что ни про что».

Встал я с утра пораньше и прямым ходом в горсовет. Захожу в кабинет Тякача и... впадаю в ошарашенность. Тот тоже обмер и застыл в неподвижности. Смотрим друг на друга, как в зеркало, и слова сказать не можем. Так мы пожожи.

Поведал я про свое происшествие. Изложил претензии.

Поднял тогда зампред трубочку и позвонил в дорожный отдел. Я, конечно, успокоился. И зря. Отремонтировали теперь только половину дороги, и все. Автобусы опять не ходят. А мне из-за моей внешности на улице стыдно показываться. Вот до чего беспокойно это сходство!

М. ИВАНОВ,

работник Щелковского хлопчатобумажного комбината

СМ. ВЕДОМ...

Творческая мысль в Новосибирской межобластной конторе Росглавхимснаб-быт бьет ключом.

— «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой!» — вслед за поэтом воскликнул управляющий тов. Бабич и внес в скучное дело канцелярской переписки живую струю.

Для начала был разработан поточный метод изготовления претензий к нерадивым поставщикам. Тысяча типографских бланков разлетелась по разным городам:

«Согласно договора поставки конторы за №№ см. ведом. во 2 квартале с. г., месяце см. ведом. Вы обязаны были поставить продукцию на сумму см. ведом. а отгрузили на сумму см. ведом., недогрузили на см. ведом.»

А чтобы ясно было, что товарищи из Новосибирска не шутят ни с клиентами, ни с русским языком, дальше следовало грозное предупреждение:

«За недопоставку, просрочку поставки продукции вы обязаны уплатить штрафные санкции в размере...»

Как ни бились на Сявском лесохимическом комбинате, расшифровать претензию не могли. Так и не оценили открытия. А зря!

Оценить следовало. И стоимость изготовления тысячи бланков (см. ведом.), и почтовые расходы на пересылку (см. ведом.), и потерянное время на расшифровку тысяч претензий-загадок (см. ведом.). В итоге получилась бы весьма внушительная сумма (см. ведом.).

БОЛЬШОЙ ОСЕННИЙ
КОНЦЕРТ
ЗАРУБЕЖНОЙ МУЗЫКИ

Последняя песенка на последних струнах.

АденАРИЯ реваншиста.

ГОЛОСУЙТЕ
ЗА МЕНЯ!!

Нью-йоркский ксилофоОН.

НАТОВАльс.

БИБЛЕЙСКИЕ ПОУЧЕНИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТАКТИКА

Статья-памфлет великого американского юмориста Марка Твена «Библейские поучения и религиозная тактика» была впервые опубликована в 1923 году, то есть через тринадцать лет после смерти автора. На русском языке она печатается впервые. Твен не раз обращал огонь своей сатиры против религиозного ханжества и лицемерия «святых отцов», благословлявших с церковных кафедр империалистические захваты, войны и рабовладение. Впрочем, нет нужды подробно излагать взгляды Твена. «Не говорите за автора, — предупреждал Марк Твен. — Дайте ему самому высказаться. Он всегда сделает это лучше, чем вы». Последуем же его мудрому совету.

МЕТОДЫ, к которым прибегают попы и святоши, весьма любопытны, а история их поучительна. Во все времена римская церковь имела рабов, покупала и продавала их, санкционировала работорговлю, поощряла ее. Долгое время спустя после того, как некоторые христианские народы освободили своих рабов, церковь все еще продолжала владеть ими. Но разве можно сомневаться в том, что церковь не могла поступать иначе? Ведь все это делалось ею в соответствии с волей господина, а церковь была его единственным представителем на земле, полномочным и непогрешимым толкователем его заветов.

Существовало священное писание, которое можно было толковать только так, а не иначе. Церковь была непогрешима, она лишь поступала так, как предписывала ей библия. Уверенная в своей правоте, церковь на протяжении многих веков ни разу не возвысила голос против рабства.

Сегодня мы наконец слышим, что папа римский объявил работорговлю грехом и даже посылает в Африку специальную экспедицию, чтобы приостановить захват новых рабов. Значит, догматы остались те же, изменилась лишь тактика. Почему? Да потому, что человечество решило подправить библию.

Сама церковь никогда на это не идет, но она в то же время никогда не упускает случая пристроиться в хвост событий и приписать себе чужие заслуги. Именно так она поступает и в данном случае.

Христианская Англия поддерживала и вдохновляла рабство в течение 250 лет, а ее святые отцы спокойно взирали на это, попеременно то принимая в работорговле активное участие, то сохраняя безразличие. Разве можно сомневаться, что интересы, которые Англия преследовала в этом деле, были христианскими и что вся работорговля носила чисто христианский характер?

Английские парламенты поддерживали работорговлю и покровительствовали ей. Два английских короля были пайщиками компаний по продаже рабов. Первый английский профессиональный охотник за рабами, Джон Хокинс, память о котором жива, произвел во время своего похода такие опустошения, так неожиданно напал на туземные деревни, предавая их огню, увеча, уничтожая, захватывая и продавая в рабство безобидных жителей, что восхищенная королева пожаловала ему звание рыцаря.

Деятельность сэра Джона была истинно христианским изобретением и в течение четверти тысячелетия эта кровавая, страшная монополия оставалась в руках христиан. С ее помощью разрушали жилища, разлучали семьи, порабощая отдельно мужчин и женщин, разбивали бесчисленное число человеческих сердец. И все это лишь для того, чтобы христианские нации могли процветать и жить в довольстве, чтобы христианские церкви могли строиться, а проповедь кроткого и милосердного Спасителя могла распространяться по всей земле.

Однако настал день, когда один незаконнорожденный английский христианин восстал против рабства. Любопытный факт: когда какой-нибудь христианин восстает против укоренившегося зла, он всегда христианин незаконнорожденный, принадлежащий к касте презираемых. Разгорелась ожесточенная борьба, но в конце концов от работорговли пришлось от-

казаться. Власть библии осталась, но тактика изменилась.

А затем случилась обычная вещь. Посетивший нашу страну англичанин — один из тех, что всегда заметят соринку в чужом глазу, — воздел к небу набожные ручки, придя в ужас от нашего рабства. Горе его не поддавалось описанию, слова были полны горечи и презрения. Правда, он оплакивал именно наших рабов, которых было менее полутора миллионов, в то время как Англия по-прежнему имела в своих заморских владениях двенадцать миллионов рабов. Но это не умерило его воплей, не оставило его слов, не смягчило сурового осуждения.

Тот факт, что каждый раз, когда наши предки пытались избавиться от рабства, именно Англия ставила нам всяческие преграды и разбивала все наши планы, не имел для него никакого значения. Ведь все это уже стало достоянием древней истории и даже не заслуживало упоминания.

Но наконец и мы обратились в новую веру. Мы тоже начали поднимать голос против рабства. Повсюду обнаружили люди с мягким сердцем, в любом уголке страны при желании можно было найти хоть мельчайший признак растущей жалости к рабу. В любом уголке — кроме церкви...

В течение многих веков существовали ведьмы. Так, во всяком случае, утверждала библия. Именно она приказывала уничтожать ведьм. Поэтому церковь, в течение 800 лет исполнявшая свои обязанности лениво и неохотно, эту свою святую миссию осуществляла всерьез. С помощью виселиц, орудий пытки и пылающих костров она день и ночь усердно работала в этой области. И за девять веков она засадила в тюрьмы, подвергла пыткам, повесила, сожгла целые армии ведьм, дочиста омыв их нечистой кровью весь христианский мир.

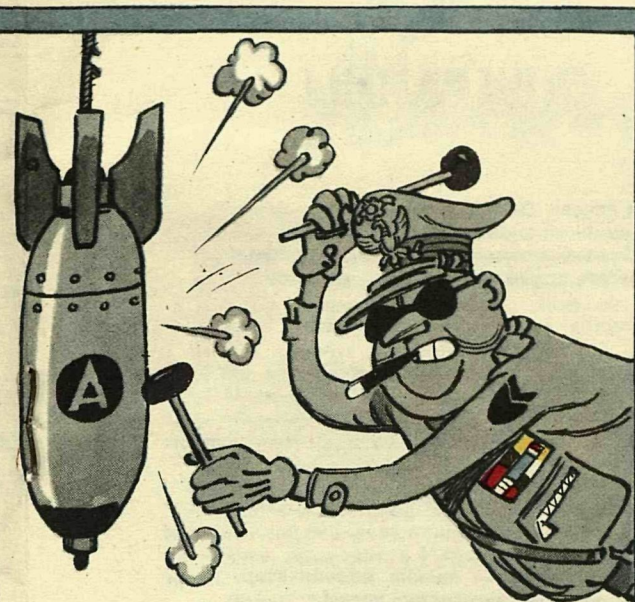
Неожиданно стало известно, что никаких ведьм нет и никогда не было. Люди не знали, смеяться им или плакать. Кто же открыл, что ведьм не существует? Может быть, попы? Нет, эти никогда не делали никаких открытий. Салемский* священник с трогательным упорством продолжал цепляться за священное писание, призывающее уничтожать ведьм, даже после того, как прихожане, решившись на этот раз забыть о библии, со слезами на глазах раскаялись в преступлениях и жестокостях, которые их заставили совершить. Священнику хотелось еще крови, еще обличений, еще жестокостей. И именно не осененные святостью прихожане остановили его руку.

В Шотландии священник убил ведьму уже после того, как магистрат признал ее невиновной. А когда более сострадательные гражданские власти предложили изъять из свода законов отвратительные статьи, направленные против ведьм, явились попы и просьбами, слезами, проклятиями пытались вынудить их не делать этого.

Ведьм нет. Но святое писание, которое признает их существование, остается. Изменилась лишь тактика. Нет никакого адского огня, но святое писание продолжает утверждать, что он есть. Более двухсот статей, каравших смертью за колдовство, исчезло из свода законов. Но писание, породившее их, остается.

Сокращенный перевод
с английского Э. БОРОВИКА.

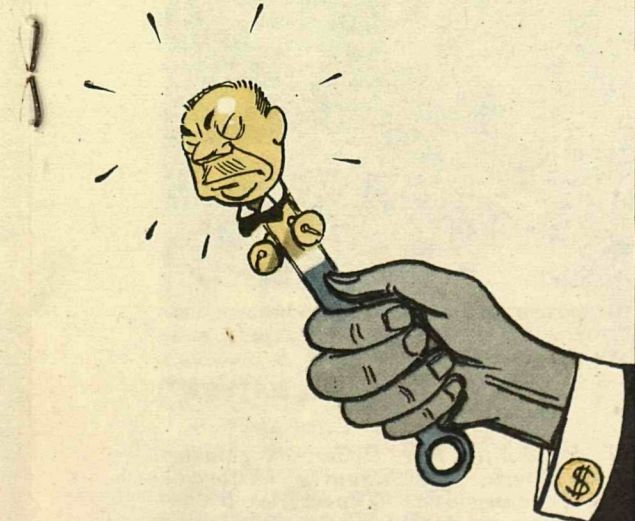
* Салем — городок на востоке США, вошедший в историю как цитадель религиозного фанатизма. — Прим. перев.

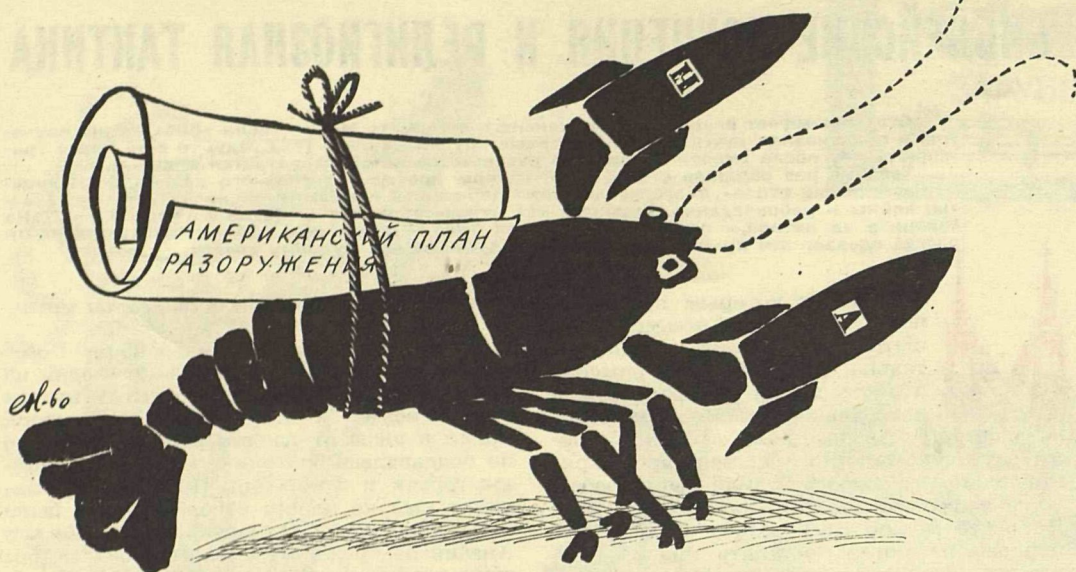
ПентаГОНГ.

Предвыборная волынка.

Тайваньская погремушка.

ЭПИГРАММЫ

На сессии ООН разоруженье
Решили отложить на долгий срок.
И только председатель в раздраженье
Разбил оружие — то есть молоток.

— Туземцам, — заявил колонизатор, —
Мы оказали множество услуг!
— А я всегда был рыбам лучший друг, —
Проскрежетал зубастый аллигатор.

ПРИЯТНО ЕДИНОГЛАСНО

В КОМНАТЕ, где жюри отбирало произведения на Всемирную выставку абстрактного искусства, густыми клубами плавал табачный дым. Искатели лавров один за другим проходили перед неприступными судьями.

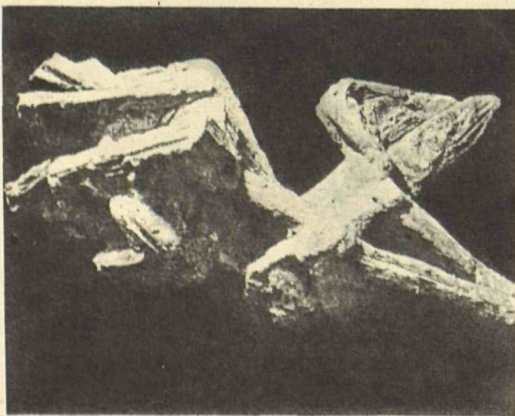
— Осторожно, не оцарапайтесь! — Итальянский скульптор Умберто Мастройяни выбросил на стол высокой комиссии бронзовую загогулину. Такие штуки изредка получаются в литейном производстве, когда раскаленный металл разрушает опоку.

— Оригинально, — заметил секретарь жюри. — Как называется?

Мэтр открыл рот да так и застыл. Еще пять минут назад он помнил название своей скульптуры, а сейчас забыл. Да как забыл! Начисто!

— Может быть, «Мечты преисподней»? — подсказывали члены жюри покрывшемуся потом скульптору. — Или «Пень, вырытый бульдозером»?

— Нет, не то! — Скульптор в отчаянии закатил глаза. — Придется сбежать в гостиницу: там у меня записано.

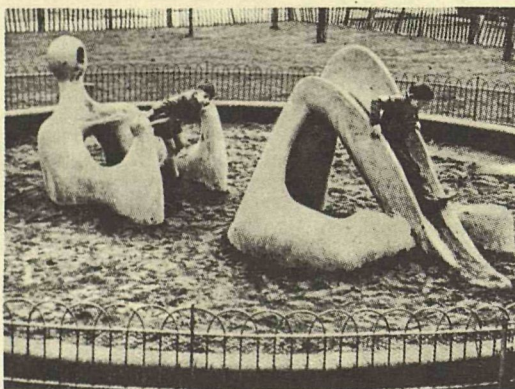

— Мы подождем вас, господин Мастройяни, — обещал председатель. — А сейчас я имею честь представить вам нашего собрата по искусству сэра Тревора Теннанта, равно как и снимок с его незаурядного произведения. Однако что это на нем?

— Хулиганы! — возмущенно заметил Теннант, рассматривая фотографию. — Лондон-

ские мальчишки вообразили, что это всего лишь горка. Мерзавцы, я им уши пообрываю...

— Тише, сэр, — успокоил его председатель, — ваша скульптура принята.

— Слово имеет известный американский скульптор Рой де Форрест, — объявил секретарь. — Мистер де Форрест создал яркий художественный образ с помощью утильсырья.

По знаку Рой де Форреста двое рабочих, приблизившись к столу, высыпали из мешков на пол кучу старых коробок, губок, засаленных игральнх карт, болтов, гаек и кнопок.

— Моя программная вещь, — заявил де Форрест, лаская взглядом законную добычу мусороприемников. — Называется «Вчера вечером я изловил двадцать четыре лягушки». Я уже показывал ее на выставке в Нью-Йорке и вызвал восторженные отзывы нашей свободной прессы. Вот, например, что писал о моем произведении журнал «Арт ньюс»: «Можете подойти, потрогать, передвинуть что-нибудь и приобщиться таким образом к творческому процессу. Станете вроде как соавтором...»

При слове «соавтор» жюри застонало. Гайки и коробки прошли единогласно.

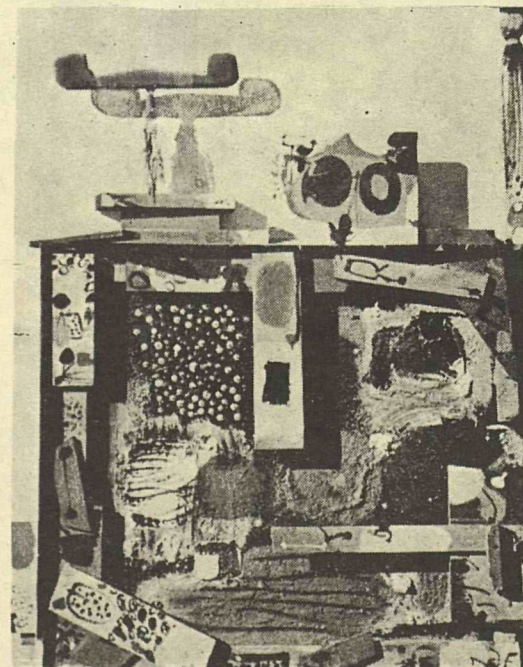
Когда жюри, закончив свою работу, удалилось, в комнату ворвался Умберто Мастройяни.

— Нашел, — кричал он, — нашел! Моя скульптура называется «Влюбленные». — Он обвел комнату безумным взглядом. — Где же они?

— Не иначе как отправились в сумасшедший дом, — ответил старичок в ливрее, на правах соавтора сметавший шедевр Рой де Форреста в угол. — Псих там объявился — рисует левой ногой через правое плечо. Так насобачился, что если не выздоровеет, всех вас переплюнет. Спешите, а то поздно будет.

Умберто выскочил из комнаты.

— Ишь, насорили! — ворчал старичок, пыля щеткой. — А еще говорят: чистое искусство!

Тем временем Умберто Мастройяни, пугая прохожих, мчался в направлении, указанном старичком.

Е. ПАТРИК

ОТ РЕДАКЦИИ. Проверкой установлено, что факты, приведенные в настоящем фельетоне, подтвердились не полностью. В частности, автором придуманы некоторые реплики героев. Что же касается названий произведений абстрактного искусства, фамилий «творцов» и фотографий, — они самые подлинные.

Клинический случай

В КАБИНЕТ врача входит пожилой джентльмен вполне респектабельного вида: дорогой костюм, белоснежная манишка, модный галстук. Ботинки и череп отполированы до зеркальности.

— На что жалуетесь?

— Боюсь...

— Что-нибудь неприличное? Ничего, я не пастор, мне все можно говорить.

— Боюсь...

— Я же вам сказал...

— Вот я и говорю, боюсь. А если сказать точнее,— неуравновешенное состояние. Иногда ничего, проходит, а иногда хоть давись... На днях...

— Давно боитесь?

— Больше сорока лет.

— Когда впервые почувствовали недомогание?

— В 1917 году... Как раз война шла — первая мировая. И у меня дела хорошо шли, и вдруг как бревном по голове — в России революция.

— Не понимаю, при чем тут вы. Где вы и где Россия!

— Я сначала тоже так думал: «Где я и где Россия!» А тут еще старый болван — наш посол в России Френсис — успокоил: «Это не долго. Дней на десять, самое большее, а потом снова будет порядок». Черта с два! Столько лет прошло, а порядка все не видно. С тех пор и мучаюсь. Боюсь.

— Чего же вы боитесь?

— Как чего? Я же сказал: коммунизма боюсь.

— Вы мне этого еще не говорили.

— Я думал, вы сами догадаетесь.

— Давайте я вам пульс проверю... Действительно, ненормальный.

— Откуда же ему быть нормальному: что ни день, то новости, одна страшней другой!

— Это у вас постоянно или периодами?

— Когда как... Иногда затухает, даже улыбаюсь начинаю, а потом, как прочитаю что-нибудь страшное, все сызнова.

— А вы не читайте.

— Не могу. Тянет. Это как алкоголь. Привык.

— У вас сейчас приступ?

— Ужасный! Лучше не спрашивайте, а то я дергаться начну.

— С чего началось?

— С президента...

Извиняюсь, я не так выразился, с речи президента. Помните, он в начале нынешнего года перед открытием сессии конгресса выступил.

— А я, знаете, речей не читаю. Мое дело — медицина.

— Правильно делаете. А я, старый дурак, читаю. Короче говоря, Аик сказал: «Много говорят о достижениях атеистического коммунизма. А мы здесь не говорим о том, что у нас есть и за что мы выступаем...» Поняли?

— Пока нет.

— Тогда слушайте, что президент дальше сказал: «Мы считаем, что человек — это божье создание и ему присуще чувство достоинства. Мы забываем о нашей духовной силе,

перестаем говорить о ней и иногда впадаем в истерию из-за материалистических достижений». Поняли?

— Ничего не понял! Какая-то мистика.

— А я понял: в истерику по случаю достижений русских впадать не надо, но на всякий случай следует помнить о боге и молиться ему. А это нехорошо. Я знаю президента, он вспоминает о боге, когда дела у нас неважны...

— Я вижу, на вас речи президента плохо действуют. Вы что-нибудь другое почитайте. Хорошо бы про приключения. Это, знаете ли, иногда отвлекает.

— Читал. Аллена Даллеса. В газете «Стар».

— Ну и что?

— Скверно. Вот послушайте: «Я посвятил многие годы жизни изучению коммунистической теории и практики, и за последние десять лет, с тех пор как я работаю в Центральном разведывательном управлении, через мой стол прошло множество веских доказательств коммунистических интриг». Поняли?

— Понял.

— То-то же! Это вам не Аик! Это Даллес. Не с бухты-баракты. всю жизнь изучает. Слушайте дальше: «У коммунистов есть план покорения. Это не строгий план, предусматривающий в точности все детали, где, когда и что должно быть сделано. Это довольно гибкий план, позволяющий коммунистам приспосабливаться к реальным, меняющимся условиям в мире. Сейчас их главной мишенью являются Соединенные Штаты». Поняли?

— Понял, и сразу видно — глупость. Для того, чтобы так писать, не надо всю свою жизнь коммунизм изучать. Так про кого угодно можно сказать: план нестрогий, но гибкий, умей приспосабливаться. И про меня можно так и про вас. Не знаю, чего вы так боитесь! Об этом почти сорок лет говорят. Вудро Вильсон говорил, Гитлер, Гейббельс, Трумэн

что-то похожее писал. Форрестол, Маккарти — многие. Пора бы привыкнуть.

— Нет, они не так писали. Они в общем и целом, а Даллес конкретно. У него по пунктам и все проанализировано: «Хрущев предлагает, сосредотачивает, пустил на полный ход, направляет и все для одной цели — стереть с лица земли США». Я как прочитал, даже спать перестал. Потом увидел Хрущева по телевидению и успокоился. А вот теперь снова...

— Опять что-нибудь прочитали?

— Статью Брауна в той же «Стар».

— А он чем вас напугал?

— «Если мы будем реалистичны, мы увидим, что просоветские идеи находят широкий отклик». Каково?

— Сильно сказано.

— Это еще цветочки! А вот ягодки: «Марксизм живет в сердцах миллионов людей и является самым важным социальным явлением нашей эпохи».

— Это кто сказал?

— Иезуит Лакруа... Это вам не Форрестол! И самое обидное: то одно напишут, то другое. То ругают, то радуют. Братец Аллена Даллеса, Джон, три года назад заявил: «Советская экономика находится накануне крушения». Кто его, покойника, за язык тянул!.. Хорошо крушение! Слышали, что Хрущев сказал: «Дела в нашей стране улучшаются с каждым годом, с каждым днем». И ведь самое печальное, что это правда.

Аллен Даллес теперь говорит: «Я просмотрел учебные программы многих наших университетов и колледжей, и, несмотря на значительный прогресс в последние годы, нашим студентам все еще не обеспечена широкая возможность приобрести необходимые основные знания по коммунистической истории и политике. И мы должны начать давать эти знания в наших средних школах». Каково? А если они, школьники, увлекутся? Боюсь.

Жить не охота, а тут еще вице-президент брошюру про коммунизм сочинил.

— Ну, это уж совсем несерьезно! Про этот труд «Нью-Йорк таймс» прямо написала: «Если господину Никсону можно поставить высшую оценку за его намерения, то этого нельзя сделать в отношении вызывающего недоумение своей нестройностью документа, составленного им или, вернее, его секретариатом... Так что вы к трудам господина Никсона относитесь с некоторой долей скептицизма...»

— А я все равно боюсь...

— Ну, давайте, разоблачайтесь. Будем выслушивать...

Доктор вооружился стетоскопом. Под белоснежной накрахмаленной рубашкой колотилось сердце насмерть перепуганного среднего американского капиталиста...

— Ну-с, батенька, что я вам могу порекомендовать? Пейте валерьяновые капельки. Больше вам ничто не поможет. Ни-что!

И, приоткрыв дверь в приемную, доктор крикнул: Следующий!

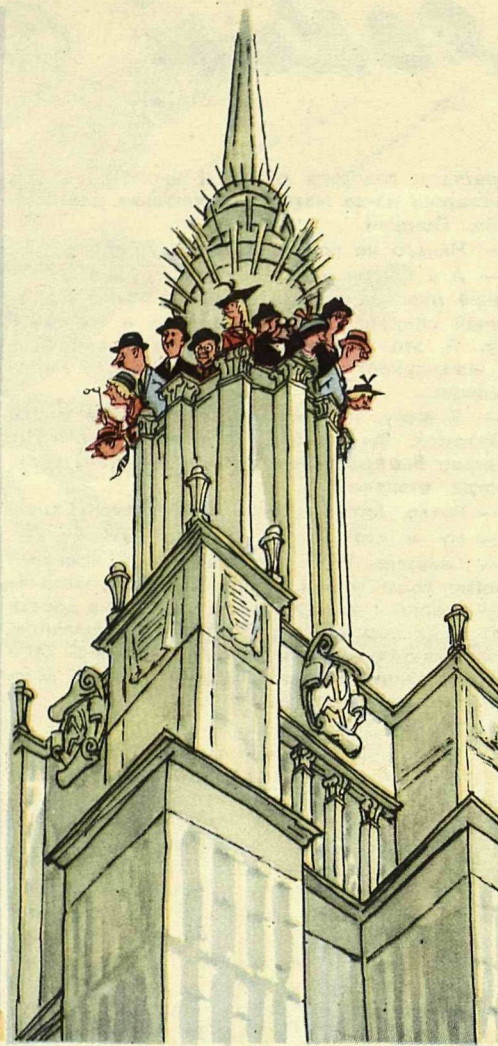

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

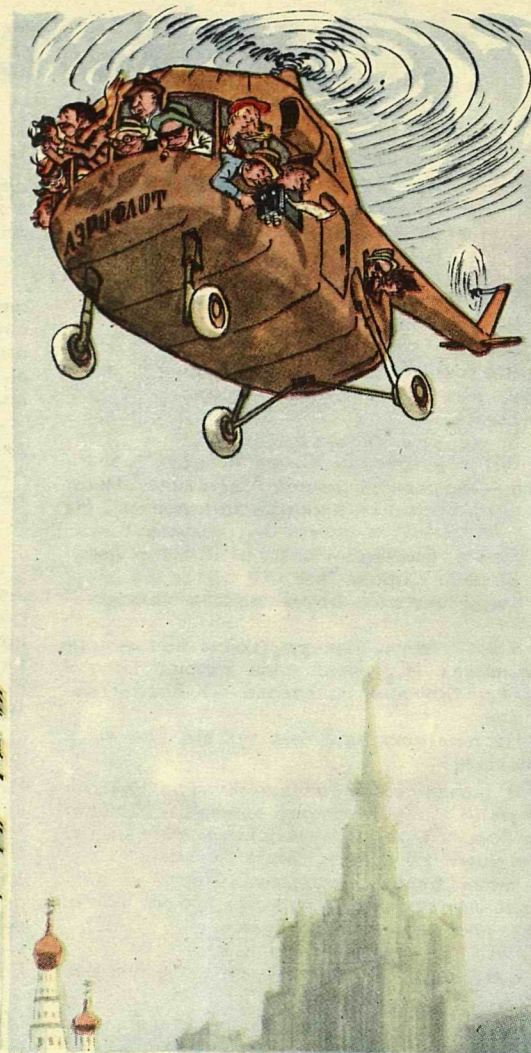
Арк. ВАСИЛЬЕВ

1910 год.

1950 год.

1960 год.

МОЯ

КОПИЛКА

ЖЕЛДОРСУП И ПУТЕВЫЕ КОТЛЕТКИ

В трогательной заботе о пассажирах по всем путям-дорогам раскинулись питательные пункты с разнообразной снедью. На больших станциях к приходу пассажирского поезда едоков ждут уже разлитый по тарелкам желдорсуп и котлетка с изящно извивающимися вокруг нее двумя макаронинами.

Все это трогает и умиляет. Но, оказывается, для обеспечения пассажиров богатейшим набором деликатных харчей привлечены две мощные организации: ДОРУРС, находящийся в ведении начальника дороги, и трест ресторанов и буфетов, подчиняющийся Министерству торговли. Мы не знаем точно, как поделены сферы влияния: кто именно варит желдорсуп и кто отпускает котлетки с макаронами. Но во многом функции их тесно переплелись, и если одни утверждают, что забо-

О лишних спицах в штатных колесницах

тятся больше о железнодорожниках, а другие, — что пекутся о пассажирах, то ни те, ни другие не могут похвастать благодарственными отзывами едоков.

Так обстоит дело на Южно-Уральской железной дороге. Надо полагать, что и на других дорогах порядок тот же. Во главе двух дорожных питающих организаций стоит обширный аппарат с многочисленным штатом, работающим не в порядке общественной деятельности, а за соответствующую зарплату. Эта растрата государственных средств и падает тяжелым камнем накладных расходов на желдорсуп и путевые котлетки.

140 И 47 — ПЛОХО ЛИ?

Плохо! Очень плохо!

Стоит только вникнуть в смысл этих двух чисел, как станет ясной бессмысленность такой пропорции.

140 — число рабочих Симферопольского авторемонтного завода.

47 — численность административно-управленческого аппарата. Кого тут только нет: и старший бухгалтер на правах главного бухгалтера, и еще бухгалтер на правах зам. главного бухгалтера, и еще два бухгалтера неизвестно на каких правах, и начальники отделов, и заместители, и товароведы, и статистики...

Если спросить директора, он

с пеной у рта станет уверять, что все трудятся в поте лица, засучив, как говорится, рукава по самые уши. Начальники распоряжаются. Нормировщики учитывают. Бухгалтеры подсчитывают. Товароведы... Тут уж и сам директор не знает точно, что они делают. В общем, контора гудит, как улей... в зимнее время.

ЗАВОЛЖСКИЕ НЕГОЦИАНТЫ

Заволжск на карте генеральной кружком отмечен не всегда... — сказали бы мы, если бы нас не опередил Михаил Юрьевич Лермонтов, оценив именно в такой редакции малую известность Тамбова.

И верно, Заволжск — городок скромный, небольшой. Население немногочисленно. Оперного театра не имеет. Но не в этом суть. Маленький Заволжск, как и все советские города, имеет свою промышленность и культурные учреждения: школы, клубы, библиотеки. И, разумеется, магазины, где население приобретает нужные ему промышленные и продовольственные товары.

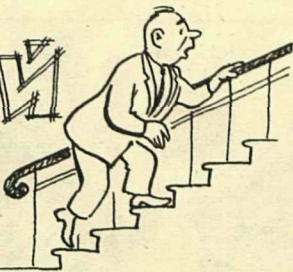
Раз есть магазины, значит, должна быть и товаропроводящая сеть. Не волнуйтесь, товарищи читатели, Заволжск не ударил лицом в грязь — сеть имеется.

В городе есть около тридцати «торговых точек» — от магазинов с вывеской «Продтовары» до ларьков без всякой вывески. И командуют деятельностью энергичных купцов-продавцов два орса под руководством Управления рабочего снабжения Ивановского совнархоза. Один орс — детище химического завода, другой — фибровой фабрики. Сферы влияния у них не разграничены. Посему рядом с ларьком химического орса, продающим папиросы и спички, может оказаться ларек фибрового орса, предлагающий покупателям широкий выбор спичек и папирос.

Короче говоря, конторы обоих орсов располагают штатами из расчета по полторы человеко-единицы на каждую торговую точку. У химиков — 30 конторских труженников. У конкурента — 10 У химиков — «Волга» и шофер. А у фибрового орса — смешно сказать! — всего-навсего лошадь и кучер. И все это (кроме машины и лошади) призвано управлять тридцатью торговыми точками в маленьком городе Заволжске.

Уже целый год районная газета «Авангард» доказывает вышестоящим начальникам по торговой части необходимость объединения двух орсов и сокращения аппарата. Это даст значительную экономию и улучшит порядок в снабжении. А из совнархоза все отвечают, что «вопрос изучается»...

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Н

ИКОЛАЙ Петрович проводил в своей новой квартире первый вечер. Как долго он мечтал о нем! Можно сказать, что этот вечер был мысленно отрепетирован тысячу раз.

По ходу красочного сценария-мечты Николай Петрович должен был сейчас лежать в голубоватой пижаме на мягко-упругой тахте и читать «Вечернюю Москву», наслаждаясь полной тишиной.

Но он, однако же, не лежал. Ему было как-то не по себе: его беспокоило ощущение какой-то неполноты, незавершенности в стройном ансамбле домашнего уюта...

Николай Петрович даже вспомнил, в какой именно момент зародилось в нем это беспокойство: в тот момент, когда он, придя со службы, открывал новым ключом новый замок новой двери новой однокомнатной квартиры.

Сейчас он вышел на лестничную площадку, оглядел свою и соседнюю двери. Так и есть: двери, хотя и обитые шершавой коричневой клеенкой, казались не полностью одетыми. Под кнопками звонков не было продолговатых списков обитателей квартир с четким указанием, кому сколько раз и как звонить: «Лебедевым — 1 длинный; Сироткину — 2 коротких; Рубинчику — 1 длинный и 1 короткий; Антоновым — 4 средних».

Николай Петрович вернулся в комнату и все-таки прилег на тахту. Он немного успокоился, разобравшись в причинах своего плохого настроения. Он вспомнил сейчас, что в старой, общей квартире над крапом в кухне висел еще плакатик: «Помылся — дай другому!» Этот плакатик вывесил нахальный семнадцатилетний Санька Лебедев, обращая сей письменный призыв прежде всего к нему, Николаю Петровичу.

Вспомнилась вся старая квартира — с закопченным кухонным потолком и тусклой лампочкой в коридоре; потрескавшаяся раковина в кухне; стена у телефона, сплошь испанная вдоль и поперек, вкось и вкривь: «Поликлиника Л 2-66-03; почта Л 2-68-40; Леонид Мих. Л 1-76-95; Нина — 9-58-37». Номер какой-то Нины — не иначе Санькиной подружки — был, таким образом, хитро зашифрован: Санька не поставил букву подстанции, держа ее, очевидно, в уме. И это, как ни странно, очень раздражало Николая Петровича. Чего тут скрывать? Не станет же он, сорокасемилетний солидный человек, называть незнакомой девчонке!

Много людей жило в старой квартире — четыре семьи, одиннадцать человек. И все они по-своему раздражали Николая Петровича. Но, однако, ни один из них ничего не стоил как раздражитель перед Санькой Лебедевым. Он был прямой противоположностью Николаю Петровичу, его антиподом. Санька был всегда и без всяких причин весел, неизменно шумен, несерьезен, тороплив. Он напоминал Николаю Петровичу глупого щенка, который с оглушительным лаем носится, задрав хвост, по всему двору и сует свой восторженный нос куда попало, без разбора.

Если Николай Петрович, дождавшись очереди, начинал умываться — а делал он это, как и все прочее, обстоятельно, неторопливо, — то Санька метался по кухне с полотенцем на шее и чуть ли не выворачивался наизнанку от нетерпения. И все только для того, чтобы потом на бегу провести два раза два щеткой по зубам и плеснуть в лицо две пригоршни воды.

Зато у телефона они менялись ролями. Санька мог разговаривать часами. А Ни-

колай Петрович, считавший, что телефон предназначен для коротких деловых переговоров, не находил себе места в ожидании, когда этот мальчишка отхохочет и откроичит свое в трубку.

Положиться на Саньку ни в чем нельзя было. Он забывал о данных ему поручениях или выполнял их так, что лучше бы не выполнял.

И Николай Петрович любил говорить, что он с такими, как Санька, не хотел бы рядом войти в общество будущего. Но во имя справедливости надо сказать, что фраза эта была не более чем риторической. Трудно было бы небольшому Николаю Петровичу идти рядом с длинноногим Санькой. Николай Петрович продвигался вперед неторопливо, глядя себе под ноги и тем не менее нередко оступаясь, останавливаясь, чтобы передохнуть. Санька же несся по жизни во весь опор, не оглядываясь.

Николай Петрович не любил торопиться. Он считал, что по роду своей деятельности не может войти в коммунизм одним из первых. Он не был ни физиком, ни поэтом. Он был техником-смотрителем зданий в районной жилищно-эксплуатационной конторе — сокращенно РЖЭК — и прослыл у жильцов скупердям. Очень трудно было выпросить у него новую раковину под кран или новую оконную раму, хотя и раковин был на складе избыток. Николай Петрович знал довольно ветхие дома своей конторы досконально, и разжалобить его было почти невозможно. Он говорил:

— Разве это щель? Трещина. Стенка еще десять лет простоят без ремонта. Сам в такой квартире живу, знаю...

Но теперь Николай Петрович жил не в «такой» квартире. Жил уже целый день. И сейчас, раздумывая о своем старом жилье, он вспомнил о людях, которые остались пока в старых домах. Вспомнил — и поднялся с тахты. С несвойственной ему хлопотливостью он взял лист бумаги и по памяти записал все рамы, краны, раковины, нуждавшиеся в ремонте или замене, жертвенно разорив свой заветный склад.

Его снова охватило чувство беспокойства. Он стал ходить по квартире, не зная, куда приткнуться. Потом достал лист ватмана, вырезал маленькую карточку и аккуратно вывел тушью: «Сироткину Н. — 1 длинный». Выйдя на лестницу, он приколот карточку четырьмя кнопками под звонком.

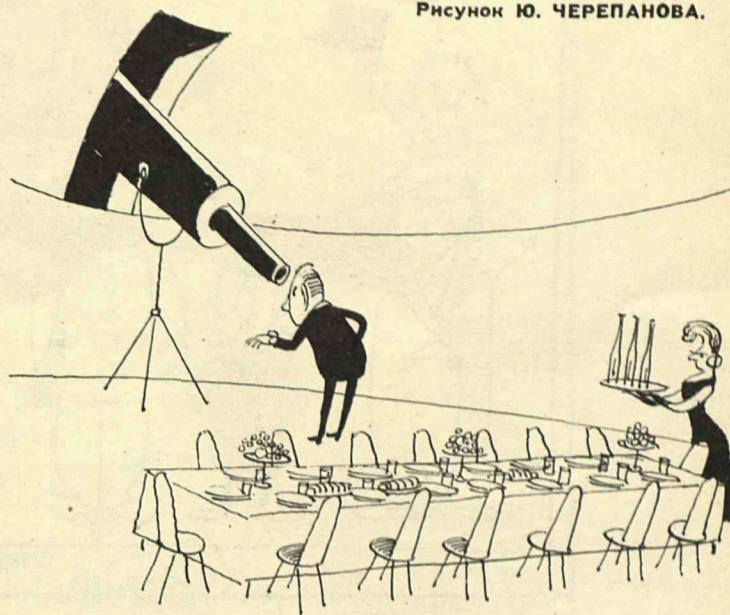
Однако успокоение не наступало. Николай Петрович стал сызнова вспоминать своих бывших соседей. Теперь все они жили в отдельных квартирах этого же нового дома, но по разным секциям. Только Лебедевы поселились в одном подъезде с Николаем Петровичем, двумя этажами выше.

И вдруг Николай Петрович сразу ясно понял все. Ему не доставало вовсе не табличек на дверях. Дело было и не в отсутствии привычного плакатика «Помылся — дай другому!». Дело было вообще не в надписях. Нет, ему не хватало соседей, людей, с которыми он годами жил бок о бок, деля радости и огорчения, ссорясь, мирясь, снова ссорясь и снова мирясь. Он сейчас отчетливо понял, что не может идти в общество будущего один, особняком, без спутников. Они ему нужны, как воздух.

Николай Петрович снял голубоватую пижаму, надел костюм и, шагая через ступеньку, поднялся на четвертый этаж. Остановившись у двери Лебедевых, он улыбнулся: под кнопкой звонка висела продолговатая табличка: «Лебедевым — 1 длинный; Лебедеву А. — 2 коротких».

Что же это за Лебедев А.? Николай Петрович не сразу догадался, что «А» — это

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

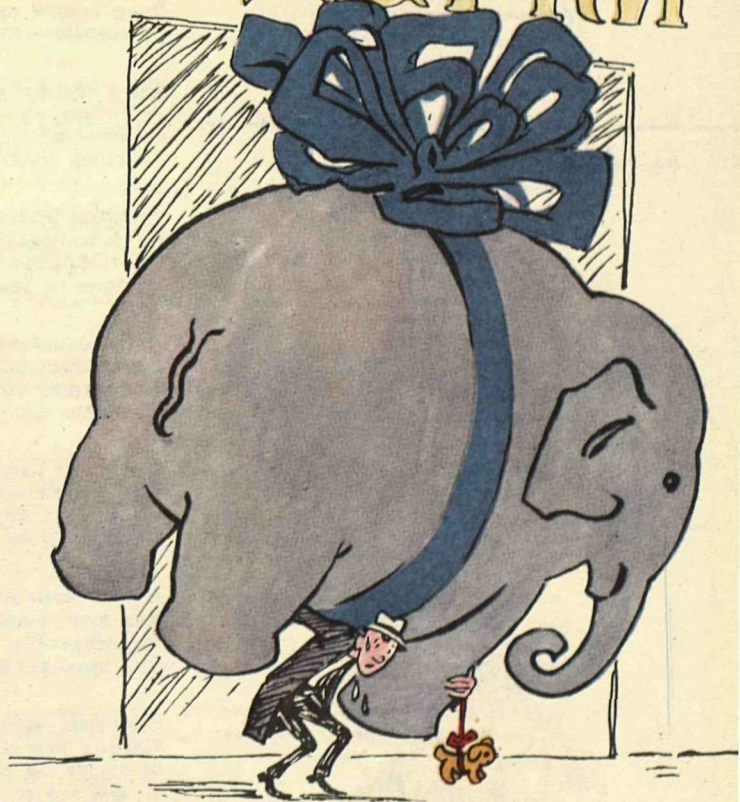

— Что-то гости опаздывают!..

В московском магазине «Подарки» товары продаются с принудительной нагрузкой.

Рисунок М. СОКОЛОВА.

ПОДАРКИ

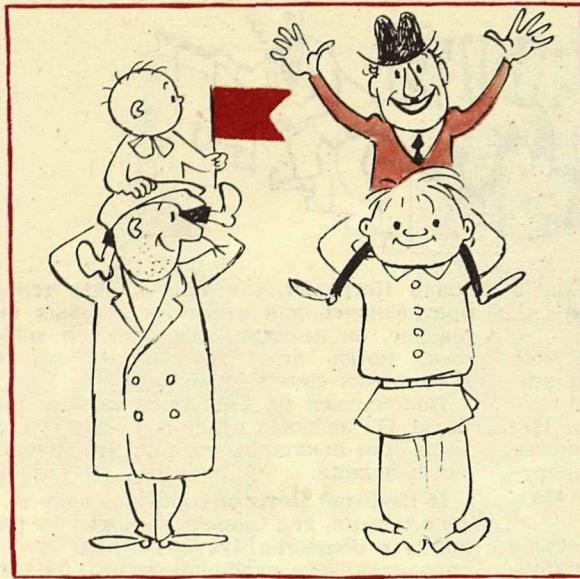
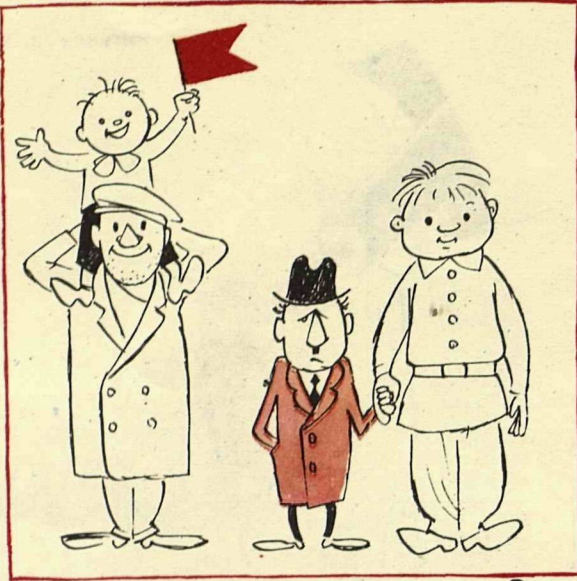
Москья и слон.

Александр, иначе говоря, Санька. Но догадавшись, нажал кнопку два раза.

Санька рывком распахнул дверь, разочарованно поднял брови и вдруг весело засмеялся, стал трясти руку гостя. Потом сделал широкий, приглашающий жест и заорал на всю двухкомнатную квартиру:

— Смотрите, кто нас посетил! Николай Петрович! Теперь все! Все на месте!..

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

Отцы и дети.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Наша семейная жизнь полетела к черту исключительно благодаря невозможности моего сожительства с тещей».

(Из заявления в суд.)

«Ветеринар и больной телок лежали вобнимку, от каковых за версту несло самогоном и прочими казенными медикаментами».

(Из протокола.)

«Моя попытка утешить ее как мою соседку обернулась ко мне весьма плачевно путем ударения ухватом по моей голове».

(Из заявления в суд.)

«Судом установлено, что мой подзащитный действительно пытался облапошить потерпевшего. Но поскольку здесь же выяснилось, что потерпевший оказался мошенником еще более высокого класса, не считаю возможным применение к моему подзащитному Уголовного Кодекса».

(Из выступления адвоката Ф.)

Сообщил В. ЦЕЛЫВАНОВ
г. Чебоксары.

«Заявление гр-ки В. о недостойном поведении гр-на Иванова проверил. Иванов — умалишенный, с ним проведена беседа».

(Запись в регистрационном журнале.)

Выписал Г. САМЫЛОВ
г. Горький.

«Это произошло, когда я уже был уволен, но продолжал работать в снятом виде. Меня задержали в тот момент, когда я в нетрезвом состоянии пресекал расхитителей социалистической собственности».

(Из кассационной жалобы.)

«Редактору типографии. Я хочу посылать вам мои мелкоплавающие рассказы, которые сидят в моей голове, словно в чемодане, как будто их кто туда запер. Если вы будете принимать, печатать и выпускать их в свет, то я сейчас же примусь их сочинять. Я бы их давно уже сочинил, но дело в том, что я не знаю, будете ли вы их принимать или нет, а во-вторых, у меня не было под рукой чистой бумаги».

(Из письма в редакцию.)

Собрал Н. ЯКОВЛЕВ
г. Красноярск.

Сельские ЧАСТУШКИ

Тяжела мужская доля,
Чистое мучение:
Бабы — в поле, девки — в поле,
Мужики — в правлении!

У соседей составляют
Новый севооборот,
Урожаи поднимают,
А у нас наоборот!

У соседей все на славу:
Справа рожь, а слева травы.
А у нас не разберешь:
То ли травы, то ли рожь!

Как в бригаде у Федота
С дисциплиною беда:
Двое вышли на работу,
Остальные — кто куда.

Мы к Федоту-бригадиру
Заглянули на квартиру —
На печи лежит Федот,
Указания дает!

Кукурузу прошлый год
На авось садил Федот:
Зерна бросил, дунул, плюнул.
Говорит: и так взойдет!

И такое там взошло,
Удивлялось все село.
Непонятно, что растет —
Кукуруза или осот!

О кормах вопрос решали,
Воз бумаги исписали,
Но бумага, вот вопрос,
Не годится на силос!

К нам зима явилась снова,
Все луга занесены.
Председателя корова
Ухватила за штаны.

Ухватила, изжевала,
Потому как сена мало.
И пошел он заседать
В чем его родила мать!

Горько плакала свинья:
— Стала спички тоньше я,
На охоту чуть не взяла,
Думали, что гончая!

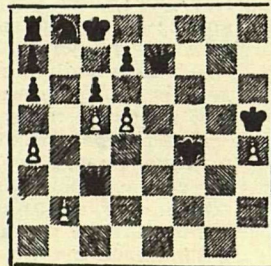
Не работает Тимошка,
Только ездит на базар.
Говорит, весной картошка —
Самый выгодный товар!

И. ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

ТРОЙНОЙ ШАХ КОРОЛЮ

— Ого! Три черных короля на одного... — нервно вскричал белый король, поспешно покинув шахматную доску. Что ему осталось делать? Целые века привык он иметь дело с одним противником, а в данном случае областная газета «Тюменская правда» выставила против него сразу трех. Да еще потребовала, чтобы белые обязательно выиграли.

Трудновато нынче живется королям. Даже шахматным!

В. БАЛАШОВ, В. БАБИЧ

с. Ларьяк,
Тюменской области.

НА ВЕЧЕРЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

— А сейчас бывший работник прилавка покажет вам некоторые забавные фокусы!

Рисунок И. СЫЧЕВА.

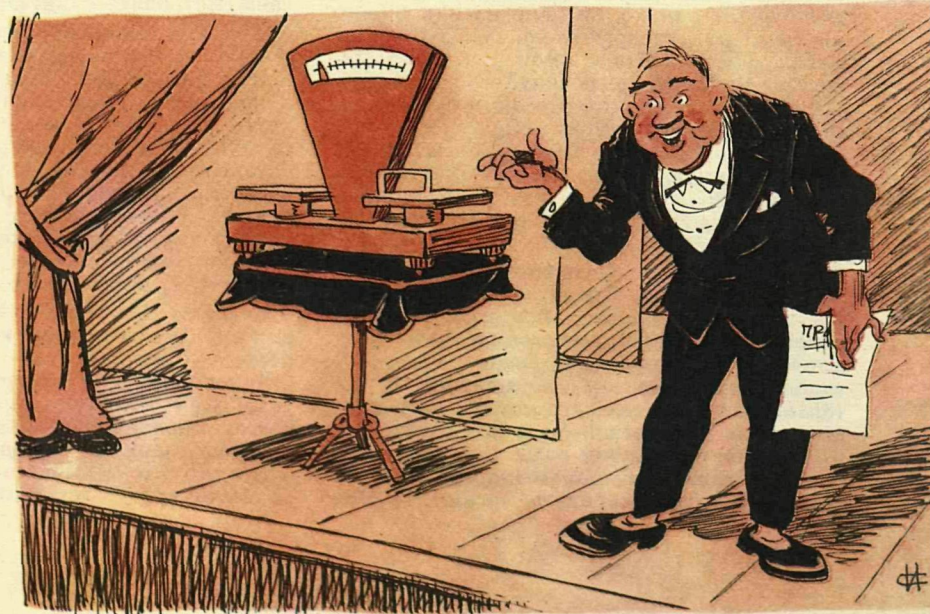

Рисунок Л. САМОЙЛОВА.

Бой петухов.

Душ из оперетты
ПРОДАВЕЦ
ПТИЦ

И. ТАРАБУКИН

г. Свердловск.

НЕОРГАНИЗОВАННОЕ ЗВЕРОПОГОЛОВЬЕ

(ВРОДЕ БАСНЯ)

Случилось это в нынешнем году:
В зоологическом саду
Решили звери провести собрание.
Лев открывает заседание.

Пришли сюда Жираф и Бегемот,
Верблюд, Барсук и Крот,
Проказница Мартышка,
Козел,
Осел
Да косолапый Мишка.

И в суматохе, как всегда,
Пролезла, помнится, сюда
Без приглашительного Шавка.
Вой. Скрежет. Шум и давка.
— К порядку!!! — Лев рычит.
Куда!..

Порядка нет следа.
Слон отдал Гадюке жало,
Еноту оттоптали полхвоста,
Медведю дурно стало:
Да как не одуреть — такая теснота!..

Собрание сорвалось. Где ж, спросите,
мораль!
Вы здесь ее, друзья, отыщете едва ль!

Читатель, не ломись в распахнутые двери!
Шепну тебе я на ухо словцо:
Поскольку мной охвачены все звери,
Так, значит, басня налицо!

Ник. ШАГУРИН

г. Красноярск,

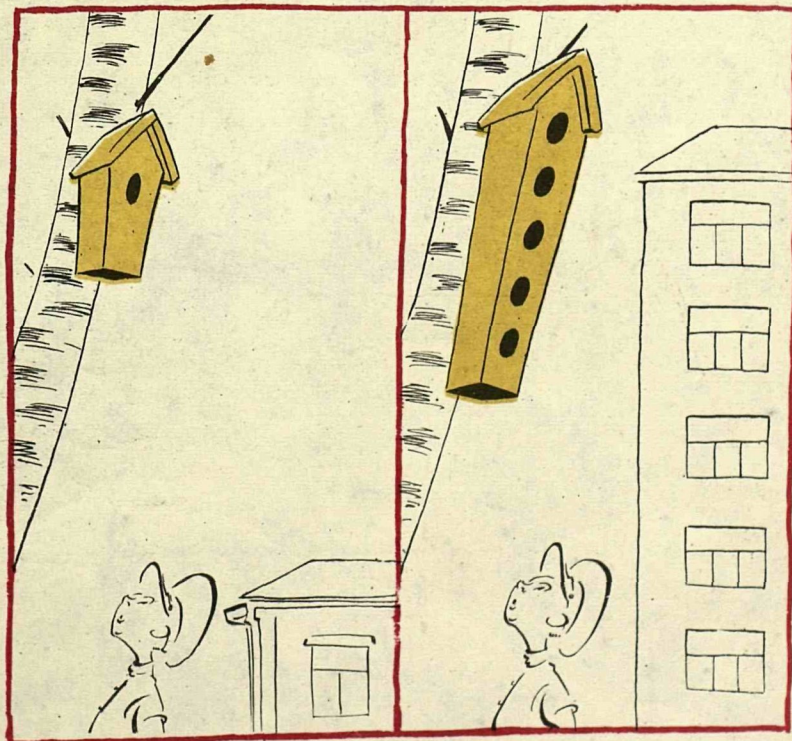
Шарж КУКРЫНИКСЫ.

Михаил Михайлович ЧЕРЕМНЫХ
(К семидесятилетию со дня рождения).

НА ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЕ

Рисунок В. ЧЕРНИКОВА.

Год спустя.

КТО ПРАВ, КТО ВИНОВАТ?

Хороши ли дела на молочнотоварной ферме колхоза имени Кирова, что в Каякентском районе Дагестана? Готовы ли животноводы к зиме?

Как вам сказать... Существуют разные мнения. А, например, товарищи Новосартова и Умаханов придерживаются поистине полярных точек зрения.

— Скоту здесь обеспечена теплая зимовка, — утверждает Новосартова.

А Умаханов констатирует:

— Работа, то бишь подготовка к зиме, здесь поставлена из рук вон плохо.

— Силоса 250 тонн заготовили, — выдвигает новый довод Новосартова.

А Умаханов ее опровергает:

— Силоса не заложено ни одного килограмма.

Новосартова твердо стоит на своем:

— Вдоволь заготовлено грубых кормов. Вокруг фермы возвышаются скирды соломы и сена.

Но и Умаханов не сдается.

— Тревожное положение, — сигнализирует он, — создается с заготовкой грубых кормов. Сено и солому к местам зимовки никто не подвозит.

И уж совсем никак не договорятся спорщики насчет соревнования на ферме.

— Чувствуется, — говорит оптимистка, — что весь коллектив МТФ заражен духом соревнования, который помогает им добиваться успехов.

— На ферме не развернуто соревнование, — отмечает пессимист. — Работники не знают, за какие показатели они борются...

...Добро бы спорили люди с глазу на глаз, за самоварчиком. Ан нет, они высказались одновременно на страницах двух газет — районной и областной. Ознакомились читатели 6—7 октября с творениями товарищей Новосартовой (из района) и Умаханова (из области) и принялись гадать:

— Кто же из корреспондентов прав? И кто взялся за перо, не разобравшись, что к чему?

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й.

Издательство «Правда».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 07183. Изд. № 1791. Подписано к печати 19/X 1960 г. Формат бум. 70×108½. Тираж 1 400 000 экз. Заказ № 2929. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫННИКСЫ.

СВЕТОБОЯЗНЬ.

Вы нас хотите затянуть в лабиринты без света и воздуха, где живут только летучие мыши, которые боятся света.

(Из выступления Н. С. Хрущева на Генеральной Ассамблее ООН).

ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.